

А.М. Калюта (Минск, БГУ)

СЛОВО КАК МАРКЕР РАСКОЛА МИРА В СОЗНАНИИ ЛЮДЕЙ

Конечно, с помощью языка люди объединяются, налаживают контакты. Однако в наше время массовых миграций населения и его повсеместного вживания в чужую культуру, при усилении противостояния взглядов на политическое, экономическое развитие общества, при столкновении религиозных воззрений всё чаще отношение к происходящему выражается через членение мира по оппозиции *свой—чужой*. Это один из основополагающих биномов, делящий мир в сознании носителей языка и определяющий самосознание нации. Как отмечают исследователи, «оппозиция «*свой—чужой*» имеет универсальный характер и является неотъемлемой составляющей онтологических представлений о бинарной структуре мира» [4, с. 90].

Во многих языках проявление постороннего, иностранного выражается через прямые номинации понятия «чужой». Так, в русском *чужак* — «пришлый, посторонний человек», а *чужеземец* — «иностранец»; в английском *strange* — «чужой, незнакомый, странный», *stranger* — «иностранец», *foreign* — «чужой, иностранный»; в итальянском *alieno* — «иностранец, чужой»; в болгарском *чужденец* — «иностранец»; в венгерском *külföldi* — «иностранец, чужой»; в немецком *ausländische* — «чужой, иностранный»; в турецком *yabancı* — «чужой, иностранец»; в шведском *utländska* — «чужой, иностранный»; в финском *ulkomainen* — «чужой, иностранный» и т.д. Эти номинации определяют внешние границы, отделяющие своё, национальное от инородного, пришлого.

Но и внутри общества происходит раскол по признаку *свой—чужой*, и основания для такого размежевания разные. В неполитической сфере жизни широко распространено сакраментальное «понаехали тут», отражающее негативное отношение к сильно выросшему числу мигрантов. В сфере политики в 2005 г. в России властью было создано молодёжное движение «Наши», которое «легализовало», оформило политическое противостояние внутри общества. Вот лишь одна цитата: «*В столице прошёл форум движения «Наши». Сторонники действующей власти собрались на Манежной площади*». Таким образом, здесь «наши» — это те, кто разделяет политические взгляды определённой группы лиц. Часто именно журналист через какие-то языковые маркеры влияет на формирование общественного мнения, т.к. он занимает «... позицию, в которой отражается как его собственное мнение, так и мнение социальной группы, которую он представляет. Трансляция этого мнения на массовую аудиторию представляет значимый фактор формирования общественных настроений» [4, с. 90]. Добавим, что этот фактор настолько значим, что способен усиливать ксенофобские настроения в обществе и таким образом способствовать расколу в обществе.

В советском обществе разделение по признаку *свой—чужой* проходило и в зависимости от величины достатка. В этом тоже отражалась идеология, привитая большевиками: бедный — значит наш, свой, богатый — не наш, чужой, буржуй. Вспомним фразу из фильма Гайдая: «*Наши люди в булочную на такси не ездят!*». То есть слыть богатым вроде как было стыдно, недостойно советского человека.

Спортивные привязанности нередко проявляются в вопросе «*Как наши сыграли?*», где «нашими» могут быть представители и страны, и города, и какой-то городской команды.

Часто одобрение/неодобрение чьих-либо действий выражается лапидарной формулировкой «*Наш человек!*», а радость по случаю победы — «*Наша взяла!*». По существу *свой(наш)—чужой(не наш)* — это преобразованная, существовавшая с доисторических времён антитеза *мы — они*, являвшаяся признаком национального самосознания в эпоху становления наций. Как отмечал Вяч.Вс. Иванов, «главной чертой наиболее ранних мифологий является именно их дуалистический характер» [3, с. 85]. Картина мира современного общества также характеризуется дуальной организацией её составляющих, и оппозиция *свой — чужой* становится определяющей в списке социокультурных разделений. Причём главное в ней — выражение неприятия, отторжение чужого.

Язык по-особому отражает отношение представителей одной культуры, одной общности к проявлению действия своего и чужого. Кроме открытых оценок типа «хороший—плохой», «прекрасный—безобразный», в нём существуют завуалированные, скрытые оценки. Наверное, в любом языке мира есть слова с негативной оценкой представителей другого этноса, иной религии — этнофолизмы. Причины появления таких слов лежат в сфере исторических взаимоотношений народов, взглядов на роль этносов в

истории, религиозных различий. Чем больше контактов существует между двумя народами, тем больше вероятность появления в их языках этнофоллизмов. В свою очередь, «преобладание негативно-оценочного прагматического потенциала в газетных текстах, а в некоторых случаях даже нагромождение негативных оценок поддерживает неприятие другого этноса и вызывает внутреннюю агрессию читателей» [4, с. 94]. Не вдаваясь в детализацию, приведём примеры.

Ещё в древнегреческом появилась форма βάρβαρος для обозначения «варваров, не-эллинов», в древнееврейском יִלְגוּ «племя; не-еврей, язычник». «Подобно тому как в Греции «эллины» противопоставлялись «варварам», так в древнем Китае «ся» (хуася) — «варварам четырёх стран света». Хотя само по себе понятие «варвары» эволюционировало как в Греции, так и в Китае, для него в целом было характерно приписывание всем людям, не относившимся к «нашей» этнической общности, определённых врождённых свойств. Варвар — это неполноценный человек» [5, с. 10]. Сравните в русском: *чучмек*, *чурка*, *урюк* «представитель среднеазиатских народов», *макаронник* «итальянец», *фриц*, *колбасник* «немец», *лягушатник* «француз», *негрила*, *негатив* «африканец», *чукча* «глупый человек», *хохол* «украинец», *пшек* «поляк», «*черножопый*» «житель северокавказского региона», *чухонец* «финн, эстонец», *лабус* «литовец», в украинском *кацап*, *москаль* «русский» [2, с. 176], в английском *spic(k)*, *spig* «итальянцы, испанцы», *ou-la-la girl* (досл. «девочка у-ля-ля»), «француженка», *Nigger* «негр», в турецком *gâvur* «неверный», *mason* «еврей», *yamyam* «африканец», букв. «людоед», *çingene* «румын», букв. «цыган» и т.д. (о мотивировках этнофоллизмов см. подробнее: [2]).

Однако проявления своего и чужого можно заметить и в другом. Часто бытовая ситуация, политическая или иная конъюнктура ставят носителя языка перед выбором лексического варианта, и он выбирает вариант, выгодный ему. При этом прагматическая цель, которую преследует говорящий, ведёт к замене у понятия этикетки (слова), приводит за собой языковой вариант. Соотносимое со *своим*, слово обладает положительной коннотацией, соотносимое с *чужим* — отрицательной.

Так, газета «Правда» в редакционной статье от 28 января 1936 года «Сумбур вместо музыки» резко раскритиковала оперу Д.Д. Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда». В статье было сказано: «*На сцене пение заменено криком. Если композитору случается попасть на дорожку простой и понятной мелодии, то он немедленно, словно испугавшись такой беды, бросается в дебри музыкального сумбура, местами превращающегося в какофонию*». Такое отношение к музыке Шостаковича обобщено в заголовочной антитезе *сумбур-музыка*, что подкрепляется политическим фоном: «*Не потому ли похваливает её буржуазная публика, что опера эта сумбурна и абсолютно аполитична? Не потому ли, что она щекочет извращённые вкусы буржуазной аудитории своей дёргающейся, крикливой, неврастенической музыкой?*». Ряд дополнительных к слову *сумбур* маркеров призваны укрепить читающих во мнении относительно

негативной оценки оперы: *буржуазная аудитория, её извращённые вкусы, музыка аполитичная, дёргающаяся, неврастеническая, крикливая*. Из статьи становится понятно, что чужой буржуазной публике с её извращённым вкусом может нравиться и сумбур, а наш советский слушатель ценит настоящую музыку, политически верно окрашенную.

Как известно, слова, выполняя номинативную функцию, называют предметы, процессы и т.д. Но есть ситуации, при которых в рамках номинативной функции действует дистинктивная, «различительная подфункция», проявляющаяся в выборе лексического варианта с определённой коннотацией. Наличие различительной способности слов при общем понятийном значении — одно из важных условий латентного позиционирования говорящего в социуме и его отношения к объекту речи. А.Р. Лурия, исследуя номинативную функцию применительно к проявлениям афазии, писал: «Когда мы видим предмет..., у нас всплывает не одно название, а целый комплекс связей, в которые данный предмет включён. Обозначая (или называя) предмет, мы должны выделить из этих возможных альтернатив одну связь, затормозив все остальные, и тем самым фактически произвести работу, аналогичную той, которая происходит при выработке дифференцировки» [6].

Таким образом, под дистинктивной функцией слов следует понимать их способность вызывать ассоциации определённого толка и выбирать из них одну, исходя из складывающейся конъюнктуры. Проследим эту работу дистинктивной функции на «классическом» примере пары слов *разведчик—шпион*.

В издании «Русский базар» читаем: «*В бывшем Советском Союзе никакой терминологической путаницы в этом вопросе не было: «наши» — разведчики, «ихние» — шпионы. Невозможно даже представить себе фильм «Подвиг шпиона» с Павлом Кадочниковым в роли майора Алексея Федотова, он же Генрих Эккерт. А как бы проиграл от такой замены слов газетный заголовок: «Разоблачена банда империалистических разведчиков, действовавшая в пункте приёма возвратной стеклопосуды продмага № 2».* («Русский базар», 2005, № 17). Таким образом, здесь лексические варианты *разведчик-шпион* предельно чётко соотнесены с биномом *свой-чужой* в «национальном масштабе».

Журнал «Огонёк» в статье о Хермане Симме, задержанном эстонской контрразведкой по подозрению в работе на спецслужбы России, пишет: «*На первый вопрос журнала, кем он себя считает, разведчиком или шпионом, Симм так и не даёт прямого ответа. «Для Эстонии, безусловно, шпион», — сказал Симм, но тут же добавил, что присягу давал Советскому Союзу»* («Огонёк», 2009). Агент Симм, находясь в Эстонии и работая против неё, осознаёт, что, нанося ей вред, должен называться шпионом, но т.к. он работает на Россию, то является, безусловно, разведчиком. Этот пример ещё раз иллюстрирует мысль, что «*по отношению к понятиям слова ... являются своего рода переменными величинами*» [7, с. 42]. А самому Симму, очевидно, можно было бы поставить диагноз раздвоения

личности — вот до чего доводят игры взрослых! Вяч. Вс. Иванов писал по схожему поводу: «На основании данных по детской психологии можно думать, что в определённый период ребёнок делит образ взрослого (в частности, своей матери) на два образа — хороший и плохой. Такое же двоичное деление (на своё и чужое, хорошую и плохую сказочную страну...) наблюдается и в детских играх» [3, с. 101–102].

Идеологические расхождения определяют выбор коннотации и в паре солдат-боевик. Солдат представляет, как правило, власть и защищает правое дело, тогда как боевик выступает на стороне дестабилизирующих сил. Вот лишь несколько примеров: «Трое похищенных пакистанских солдат в четверг утром стали жертвами боевиков, сообщают представители силовых ведомств страны»; «В ходе боёв в провинции Северный Вазиристан, которые идут уже три дня, погибли 45 пакистанских солдат и 150 боевиков-талибов»; «Перуанские боевики расстреляли 13 солдат». «Боевики сажают солдат на дешёвый героин, подрывая их боевой дух. Подобным же образом моджахеды пытались сломить советских солдат». Здесь «своим» оказывается нейтральное солдат, а «чужим» — пейоратив боевик. Выбирая тот или иной лексический вариант, адресант не только через него выражает своё отношение к событиям, но и привлекает на свою сторону адресата, исподволь воздействуя на него выбранным лексическим вариантом.

Пары слов, различающиеся по оппозиции *свой—чужой*, способны выстраивать синонимические ряды. Так, к «своим», кроме солдата, относятся воин, боец, защитник, к «чужим», кроме боевика — террорист, моджахед, дух, противник. Несколькими пейоративами расширяется пара помощник-пособник: приспешник/прихвостень/подручный. Вот примеры:

«В настоящий момент речь идёт всего лишь о поиске террористов и их пособников, которым, по версии защиты, всё же удалось скрыться» («Труд», 14.02.2011). «Полиция государства Бангладеш арестовала одного из подручных главаря исламских радикалов и индийских мафиозных кланов Давуда Ибрагима» (Рамблер, 2011). «Вы сказали: «За это преступление отвечает Сталин и его приспешники» (Из открытого письма В.Илюхина Д.Медведеву). «Российский приспешник тоталитарной секты Муна спешит замести следы её опасной для общества деятельности» (Заголовок в газете). «Дело Демьянюка: «Фашистский прихвостень понёс заслуженную кару» (Интерфакс). Как мы видим, практически всегда пейоративу сопутствуют иные лексические средства, в которых концентрируется оценочное выражение описываемых событий: террорист, главарь, исламский радикал, мафиозный клан, преступление, тоталитарная секта, фашистский. Вместе они призваны усилить впечатление от информации и привлечь «на нашу» сторону всех читающих.

Раскол общества по признаку *свой—чужой*, может быть, наиболее семиотично выражен парой восстание—мятеж (революция—буча, восстание—путч). Оценки произошедших в России в 1917 г. событий и их последствий вылились на страницы многих изданий и были отмечены эти-

ми лексическими маркерами. Не нужно объявлять себя сторонником той или иной точки зрения на произошедшее, достаточно произнести одно слово: *революция* или *мятеж*, и все ваши политические пристрастия станут очевидны. Вот примеры диспута о событиях 1918 г. в Ярославле на одном из форумов: «Мятеж — это кучка загнивших контрреволюционеров предприняла попытку захвата законной и народной советской власти в нашем городе». «Кучка недобитых белогвардейцев не согласилась с потерей хоромов, заводов и слуг, решила поднять бучу, но части рабочекрестьянской Красной Армии не очень-то хотели возвращаться в разряд холопов и подавили мятеж». Обратим внимание на дополнительные оценочные средства воздействия на адресата, которые в изобилии присутствуют в такого рода спорах: *кучка недобитых белогвардейцев, хоромы* (устаревшая форма слова как знак ушедшего мира). Ну а *части рабочекрестьянской Красной Армии* лишний раз выражают латентные политические пристрастия адресанта.

А вот другой взгляд на события: «Восстание — это ярославские патриоты, настроенные против террора большевиков, предпринявшие отчаянную попытку восстановления законной народной власти в нашем городе. В советское время существовало словосочетание «ярославский мятеж». Когда началась перестройка, заговорили, что никакого мятежа не было. Это было восстание народа против незаконной советской власти». Интересно, что некоторые участники дискуссий сами соотносят свои политические пристрастия с выбранными лексическими вариантами: «Восстание или мятеж тождественны, разница лишь в смысловых оттенках. В зависимости от своих политических предпочтений авторы могут склоняться то к одному, то к другому названию. Относительно того, что июльские события были народным восстанием: возможно. Но тогда возникает вопрос: законна ли была в 1918 г. советская власть? Полагаю, попытка построить логическую цепочку может привести человека в зависимости от его политических убеждений к разным выводам».

Деление мира по признаку *свой-чужой* происходит не только по политическим мотивам, но и по эстетическим вкусам. Часто отношение к произведениям живописи выражается парой слов *искусство-мазня*. Популярная ранее телепрограмма «Времечко» поднимала тему: «Как отличить произведение искусства от мазни?» (2007 г.). На интернетовских форумах не утихают эмоциональные споры об авангарде в искусстве: «Да это полный маразм! Абстракционизм не показал себя, потому что это не искусство, а мазня. Адекватно воспринимать творчество Малевича можно только в контексте всей мировой культуры и истории живописи — только так видно его значение, и только так можно понять смысл его экспериментов». «Мазню Малевича, к слову, покупают тоже за баснословные суммы. Только разве это искусство? Мазня — она мазня и есть, не больше и не меньше». «Искусство принадлежит народу, т.е. в том числе и мне. И именно мне судить, что искусство, а что мазня. И вот это (изображён

некий абстрактный рисунок — А.К.) безусловная мазня, и она никогда искусством не станет».

Примеры, собранные нами, приводят к выводу о том, что так в языке проявляется принадлежащая некоторым словам скрытая семантическая категория, которую можно назвать категорией субъективной или личностной оценки. Слова, обладающие этой категорией, способны менять денотативное значение при постоянном сигнификативном. Как отмечают исследователи, «оппозиция «свой—чужой» как некоторое представление о мире имеет отражение в языке, проявлена в языковой картине мира, поэтому может быть определена как семантическая оппозиция» [8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Грищенко, А.И. Источники возникновения экспрессивных этнонимов (этнофолизмов) в современном русском и английском языках: этимологический, мотивационный и деривационный аспекты // Активные процессы в современной лексике и фразеологии: Материалы международной конференции 8-9 июня 2007 г. памяти Л.В. Николенко и Ю.П. Солодуба. МПГУ / Гл. ред. Н.А. Николина — М.; Ярославль, 2007. — С. 40–52.

2. Грищенко, А.И., Николина Н.А. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности: коллектив. монография. Труды Уральского МИОНа. Вып. 20. — Екатеринбург, 2006. — с. 175–187.

3. Иванов, В.В. Чёт и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. — М., 1978.

4. Иссерс, О.С., Рахимбергенова М.Х. Языковые маркеры этнической ксенофобии (на материале российской прессы). // Политическая лингвистика. / Вып. 3(23). — Екатеринбург, 2007. — С. 90–96.

5. Крюков, М.В. «Люди», «настоящие люди» (к проблеме исторической типологии этнических самоназваний) // Этническая ономастика. — М., 1984.

6. Лурия, А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. — М., 1969.

7. Норман, Б.Ю. Язык: знакомый незнакомец. — Минск, 1987.

8. Петроченко, М.Н. Семантический компонент «свой/чужой» в фольклорном и диалектном бытовом текстах: дис. ... канд. филол. наук. — Томск, 2005.